

исключает возможность продажи организацией секретов на производство данного новшества, как и самого новшества. Но цена новшества должна быть сопоставлена, во-первых, с величиной затрат и получаемой прибылью; во-вторых, должна учитывать возможные потери, связанные с утечкой секретной информации, при распространении новшества. Ведь организация не застрахована от того, что при распространении новшества секреты станут известны другим субъектам в результате утраты конфиденциальности или непринятия достаточных мер по сохранению тайны, что приведет к утечке секретной информации. Но во всех случаях, именно степень оригинальности, новизны и сложность предопределяет уровень ноу-хау.

Но в то же самое время, в отдельных организациях создаются новые новшества, требующие своего засекречивания и сохранения в тайне ноу-хау, и этот инновационный процесс продолжается, обеспечивая дальнейшее развитие научно-технического прогресса и производительных сил общества.

Таким образом, опытные образцы можно рассматривать в качестве результатов инновационной деятельности как продолжение научной деятельности. Это инновации, связанные с развитием самой науки, но есть инновации, связанные с развитием материального производства и других сфер общественного производства. Эти инновации вызваны потребностями практики, в том числе рынка и предпринимательской деятельности. Предприниматели заинтересованы в таких новшествах, которые позволяют их бизнесу быть более конкурентоспособным на рынке. Это, в свою очередь, требует изучения рынка, проведения маркетинговых исследований с целью выявления тех новшеств, которые пользуются рыночным спросом. При этом не упускаются и рыночные возможности в будущем. Но, опять-таки, эти новшества не могут обойтись без научных знаний.

Таким образом, мы можем констатировать, что инновация – это комплексное понятие, охватывающее новшество в различных формах.

Леонидов И.Л., к.э.н., доцент,
Национальная металлургическая академия Украины,
г. Днепрпетровск
leonidovil@gmail.com

ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИСВОЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОДУКТА

Поиск основ метода присвоения интеллектуального продукта предусматривает выявление современной методологической концепции анализа этой категории в процессе рассмотрения поступи движения соответствующих исследований.

Эволюционно сформированный традиционный подход к методологии ограничивал ее характеристиками предмета и метода науки, исходя из единства человека и природы, эволюционного их происхождения. Предмет фиксировал место науки в ее системе, отличия от смежных наук в точках касания. Отсюда, для такого подхода актуализировалось значение индукции, дедукции, анализа, синтеза, исторического, логического, абстрактного, конкретного и пр., как единства научного метода и возможности его производительного использования в разных сферах человеческой жизнедеятельности.

Отделение и противопоставление материального и духовного начал человека способствовало появлению альтернативных методологических концепций, в которых утверждались новые методологические ориентиры дуализма рационального и эмпирического. Их зачатки частично отражены в космологии Платона, принципах христианской догматики, противопоставлении души и тела Р. Декарта и др. Поляризация в методологии выдержала проверку попытками преодоления ее противопоставления как в рамках метафизических рассуждений (системы Спинозы, Лейбница, Шефтсбери и др. [1]), так и в русле дискуссий о связи природного и духовного начал человека, возможностей их научного познания (системы О. Конта, Дж.С. Миля, К. Маркса, Г. Спенсера, Е. Дюркгейна и др.[1]). В результате чисто позитивистское (а тем более сугубо механистическое) моделирование научного познания (как «единственно научного») отмежевалось от исследований человека как свободной творческой личности. В этих условиях кантовское противопоставление природы («царства чистых законов») и человека («свободный» творец мира духовных ценностей) было возведено в принцип, а знания естественные и социо-гуманитарные – поляризованы по важнейшим параметрам и критериям научности.

Так, прогресс научного знания, в концепции П. Дюгема (конвенционализм) [2, 210], является кумулятивным и осуществляется на почве «доказанных» фактов, объединенных в определенную увязанную целостность (или рационально, или эмпирически). При вторжении в нее аномалий изменяются (инструментально) или усложняются ее периферийные участки. Поскольку, ни одна целостная система не рассматривается как достоверно истинная, то она может быть отклонена при чрезмерном осложнении или открытии более простой системы, которая заменяет предыдущую эпистемологически и логически. При этом, конвенционалистам не хватило логического обоснования случаев когда одни суждения могут быть истинными, не будучи доказанными, а другие – ошибочными, имея истинные последствия, или одновременно ошибочными и приблизительно истинными. Также конвенционалисты не смогли объяснить, почему определенные факты в первую очередь подлежат исследованию, а отдельные классификационные системы анализируются раньше, чем другие, тогда как их сравнительные преимущества еще не выяснены.

Методологическая концепция Т. Куна [3] регламентировала принятие в качестве научных только утверждения, которые обоснованы через описание твердо установленных фактов (эмпирически), или их неопровержимое индуктивное обобщение. Для индуктивистов научные революции (начало научного прогресса) призваны обнаружить иррациональные «блуждания» от которых освобождаются, переводя их в состав псевдонаучных (необоснованные утверждения). Но и индуктивизм не смог предоставить «внутреннего» объяснения (поляризованного) отбора определенных фактов в качестве предмета исследования. «Недоказанные идеи» индуктивизм пытается объяснить с помощью «внешнего влияния». Например, проблема «ошибочного сознания», когда ученые приходят к своим теориям «фактически» благодаря взлету представления (рационально), но вынуждены утверждать, что вывели эти теории из фактов (эмпирически).

Логико-эпистемологическая критика конвенционализма и индуктивизма К. Поппером завершилась разработкой методологического фальсификационизма [4]. Эта концепция нормировала принятие по согласованию фактуальных, пространственно-временных единичных «базисных утверждений» вместо пространственно-временных универсальных теорий. С позиции фальсификационизма нормативом «научности» теории является приведение ее в столкновение с принятым базисным утверждением. Если теория противоречит последнему, то она должна быть устранена. От научных теорий требуется способность предусматривать факты, которые являются новыми, неожиданными с точки зрения предыдущего знания (эмпирически). К сожалению эпистемологические трудности фальсификационизма вынуждают его принимать ошибочную предпосылку о доказательности утверждений из фактов и недоказуемости теорий.

Обострению методологического противостояния способствовали идеи П. Фейерабенда [5], о быстром росте числа конкурирующих теорий, призванных внешне ускорить внутренний процесс фальсификации теорий в понимании К. Поппера. Поскольку отбор фактов («потенциальных фальсификаторов») для фальсификациониста остался детерминированным внутренне (эмпирически), то обострилась проблема «ошибочного сознания» с точки зрения рационализма.

Постпозитивистская версия методологической концепции И. Лакатоса [6] отказалась от понятия «научная теория» в пользу последовательных рядов теорий, объединенных в научно-исследовательские программы; признала их длительность сосуществования и соперничество; определила главной единицей анализа научного знания – «жесткое ядро» научно-исследовательской программы; отвела теоретическому знанию роль «теорий защитного пояса научно-исследовательской программы». Если исследовательская программа прогрессивно объясняет (предвидение новых фактов) больше чем конкурирующая, то она «вытесняет» последнюю, которая может быть «устранена» (или «отложена»). В методологической концепции И. Лакатоса сосуществующие научные школы и теории стали переосмысливаться как научно-исследовательские программы, что знаменовало продвижение к преодолению противостояния в методологии. Однако расширение многофакторной трактовки научной деятельности обнаружило концепцию И. Лакатоса как слишком суженную.

В период усиления постмодернистских тенденций риторическая концепция метода Д. Макклоски [7] акцентировала на практическом объяснении убедительности разных теорий через язык, стиль, риторические стратегии, метафоры. В рамках проблемы ограниченности и специфичности субъекта познания методологическая концепция разложила парадигму Т. Куна на составляющие (поддала ее реконструкции) через систему «фильтров», которые факторно корректируют, деформируют, конструируют образ объекта изучения на основе функций языка [8]. Совокупное воздействие всего комплекса факторов научной деятельности, в конечном счете, отразилось в научном дискурсе. В нем риторический анализ содержания и стиля научных текстов, структуры научных публикаций замкнулся с институционально-социологическим изучением науки, которое позволило критически осмысливать «положение дел в профессиональном цехе», выявлять расхождение между номинальными и реальными нормами научной жизни, декларативными и фактическими критериями устремления научной работы.

Междисциплинарные тенденции в методологии обусловили обращение к природоведению, эволюционной теории [9], генетике, идеям неравновесной термодинамики и диссипативных структур школы И. Пригожина, эволюционной экономики Д. Норта, Й. Шумпетера, эволюционно-генетического подхода М. Кондратьева, эволюционизму Ф. Хайека и пр. Среди спектра этих обращений, например, Ф. Фукуяма [10] решает вопрос методологии научного познания в единстве предельных основ любого социального порядка и сущностной природы человека. Обнаружены им основы – биологическая (из самой природы человека), человеческий разум (спонтанная склонность к социальной самоорганизации) – получили эмпирическое подтверждение в таких областях естественных наук, как нейрофизиология, генетика поведения, эволюционная биология и этология, а также в психологии и антропологии. Открытие разнообразия связей между сущностью человека и природой актуализировало поиск новой методологической концепции, не ограниченной преградами и барьерами между дисциплинами.

Как видим, существующие концептуальные подходы освещают методологию как отрасль знания, которая изучает, в т.ч. и присвоение интеллектуального продукта, как вид человеческой деятельности. Это позволило обнаружить в методологии функции (дескриптивно-методологическую, критически-онтологическую, профессионально-этическую), принципы (методологического плюрализма и т.п.), установку на описание и интерпретацию научного дискурса, структурные компоненты и пр. А также показать, что в развитом состоянии все виды познавательной деятельности подчинены методологическим регуляторам. Это акцентирует в исследовании присвоения интеллектуального продукта на поиске и анализе необходимых основ соответствующей методологической концепции сквозь призму ее структурных компонентов.

Предлагается авторское виденье методологических основ исследования присвоения интеллектуального продукта как диалектической целостной системы категорий, субъекта, объекта, предмета, метода. Категориальный элемент формирует структуру построения высказываний в исследовании. Типология субъекта присвоения интеллектуального продукта становится условием методологических размышлений. В структурах сочетания субъекта с предметом и объектом проявляется специфическое содержание метода исследования присвоения интеллектуального продукта. Общий «заход» в этом методе определяет подход праксиологии, обогащенный семиотикой. Формализация абстрактного «захода» требует поиска адекватного метода исследования. В качестве последнего предлагается интеграция междисциплинарного,

эволюционного, системного (квинтэссенция методологии синергетики). Применение интеграционного метода открывает перспективы исследования процессов развития и функционирования отношений присвоения в неразрывной связи со становлением экономической системы общества, определения сущности интеллектуального продукта, его эволюционных источников, специфики, форм и направлений реализации его присвоения, адекватных условиям национальной экономики Украины и Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борзенков В. Проблема единства науки на рубеже веков // Высшее образование в России, 2004. – № 8.
2. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. – М.: Прогресс, 1978. – С. 203-235.
3. Кун Т. Структура научных революций. – М., 1977.
4. Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983.
5. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М., 1986.
6. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995. – С. 12-89, 159-167.
7. Мак-Клоски Д. Риторика. Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. – М., 2004.
8. Блауг М. Методология экономической науки. – М., 1995.
9. Маевский В.И. Эволюционная макроэкономика и неравновесные процессы // Эволюционная экономика и «мейнстрим». – М.: Наука, 2000. – С. 115.
10. Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М., 2003.

Машинский В.В., к.т.н., доцент, **Давидчук В.С.**
Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Республика Беларусь

ИНВЕСТИЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ: СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Масштабность задач, поставленных четвертым Всебелорусским народным собранием и Президентом Республики Беларусь, требует радикального обновления всех сфер экономики и выхода на качественно новый уровень развития, что фактически означает переход от догоняющего развития к органичной модернизации экономики.

Правительством РБ разработана программа инновационного развития на 2011-2015 гг. Она является естественным продолжением инновационных наработок предыдущих лет, учитывает опыт развитых стран: Южной Кореи, Японии, США, России. Основная цель программы создание конкурентоспособной на мировых рынках, инновационной, энерго- и ресурсосберегающей, наукоемкой и экологически безопасной экономики. Формирование экономики, основанной на знаниях, переход к новым технологическим укладам будут определять экономическую динамику в ближайшее десятилетие. Создание полноценного рынка научно-технической продукции и нематериальных активов станет новым этапом инновационного обновления. Нематериальные активы, занимающие в структурах балансов организаций развитых стран 30-40%, а в наукоемких производствах до 70%, могут для нашей страны стать реальным товаром и дополнительным источником финансовых ресурсов [1]. Новое содержание инвестиционной политики Правительства РБ комплексно охватывает вопросы приватизации, продажи государственной собственности, прагматичной работы с иностранными инвесторами.

В силу сложившихся обстоятельств, объемы привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Беларусь оказались значительно ниже, чем во многих государствах с переходной экономикой Европы и СНГ. На душу населения РБ в 2009-2010 гг. объем накопленных ПИИ составил всего 883 долл., в России 1836 долл., в Казахстане 4040 долл., в Эстонии 11766 долл. Правительство РБ рассчитывает привлечь ПИИ в 2015 году в объеме 7,5 млрд. долл. [1].

Эффективность инвестиционной сферы будет повышаться за счет кардинального изменения структуры инвестиционного портфеля в пользу средств производства, обеспечения, начиная с 2012 г., доли ПИИ в основной капитал не менее 21% в год. Предусматривается опережающий рост инвестиций в экспортоориентированные и импортозамещающие проекты, обеспечивающие повышение технологического уровня производств посредством внедрения передовых инновационных технологий и «ноу-хау», создание и модернизацию высокопроизводительных рабочих мест. Особое внимание Правительством будет уделяться иностранным инвесторам с учетом местных ресурсов и возможностей регионов. Основными механизмами реализации новой инвестиционной политики в республике становится расширение финансирования проектов за счет собственных средств организаций посредством улучшения их финансового состояния, роста отдачи от инвестирования капитала и улучшения качества бизнес-планирования инвесторов. Планируется обеспечить кардинальную де бюрократизацию инвестиционной деятельности, более полно использовать возможности лизинга, фондового рынка, новой амортизационной политики. Всего за пятилетку планируется построить или глубоко модернизировать более 400 предприятий, из которых более 230 – важнейшие проекты, имеющие для страны инновационное значение. Объем финансирования инвестиционной программы составит 57,4 трлн. руб., в том числе за счет ПИИ – 37,2 трлн. руб. или 64,8% от общего объема. Эффективная отдача от этих немалых ресурсов возможна только за счет снижения затрат (материальных, энергетических, ресурсных) и значительный